

Приложение 1

Обоснование необходимости поправки в уголовно – процессуальный кодекс Республики Казахстан:

Совокупный срок содержания под стражей на всех стадиях досудебного и судебного расследования до вынесения приговора, в т.ч. вновь вынесенного после отмененного ранее приговора не может превышать 3 (трех) лет.

Данная норма никак не ограничивает ни сроки досудебного расследования, ни продолжительность суда.

Данная норма всего лишь ограничивает **тремя годами** срок содержания человека в СИЗО **без приговора**, то есть **без признания его виновным** по суду.

Если в течение 3 (трех) лет не вынесен приговор, то человек должен быть выпущен из СИЗО или лагеря, хотя бы под домашний арест. Дальнейшее расследование или суд вполне могут проходить и без содержания человека в СИЗО/лагере.

Текущее состояние уголовно – процессуального кодекса (далее – УПК) Республики Казахстан позволяет:

1. Содержать человека под стражей **вечно**, даже не доводя дело до суда – достаточно просто предъявить обвинение;
2. Содержать человека под стражей **вечно** во время суда – для этого достаточно обвинения в совершении особо тяжкого преступления.

Длжащееся более 3 лет расследование или суд однозначно говорят о слабости обвинения и, как правило, используются правоохрнительными органами для «вызревания» подозреваемого до признания вины.

Данное утверждение может быть подтверждено как моим личным опытом, так и исследованием, проведенным мной в лагере строго режима, и статистикой изложенной следователем по моему делу.

Держать человека в камере СИЗО вечно, даже не предъявляя ему обвинительного акта, т.е. окончательного обвинения, позволяет оговорка в п. 6 статьи 152 УПК РК, которая звучит так: «Нахождение подозреваемого под стражей в период ознакомления его и защитника с материалами уголовного дела **не входит в срок**, установленный частями первой – четвертой статьи 151 (сроки содержания под стражей) настоящего Кодекса, но учитывается судом при назначении наказания».

Как эта оговорка использовалась в моем «деле»:

Я был задержан 10 января 2017 года. 7 сентября 2017 года следствие в отношении меня завершилось. Подозрения в хищениях нефти с целью финансирования радикального экстремизма

отпали (я - атеист), ни в одну вменяемых мне ОПГ меня не приняли – осталась только одна статья - 197. Но и здесь у обвинения была большая проблема - дело в том, что статья 197 УК РК - преступление против собственности, но ни у кого – ничего не пропало, т.е. не было потерпевшего. Все понимали, что дело в таком виде не имеет шансов в суде. Поэтому, в этот день, в присутствии адвоката Алимбаева И.М мне было сделано предложение об освобождении в обмен на формальное признание вины (без указания преступления). Я отказался – я очень верил в суд.

Меня посадили на ознакомление, срок которого благодаря оговорке в п 6 статьи 152 УПК РК **не ограничен**. Одни и те же тома «дела» привозили в СИЗО неделями – менялись только офицеры. Эта карусель могла продолжаться вечно, и я бы вышел на пенсию из актюбинского СИЗО, если бы не активность моих адвокатов.

27 декабря 2017 года ознакомление **прерывается** (что не допускается Законом, но в «делах», которые ведет КНБ, у прокурора прав еще меньше, чем у подозреваемого), и мне в очередной раз меняют обвинения –добавив еще 5 статей УК , в том числе особо тяжкую – создание транснациональной ОПГ. Перерыв был всего на 5 минут, чтобы взять мою подпись. Новое обвинение – новое ознакомление. В феврале 2018 года Следователи КНБ назначили «потерпевшего» - АО «КТЖ» (позднее, в ходе суда представитель потерпевшего заявит, что подвергается давлению следователей и вынужден подать иск). Но у обвинения все еще не было исполнителей вмененных преступлений (так называемые «неустановленные лица»), ни мотивов преступления. К июню 2018 года и я, и мои адвокаты уже четко осознавали перспективу провести остаток жизни в актюбинском СИЗО без суда. Мы обратились к прессе. Утром 6 июня 2018 года в газете время вышла статья «Сидячая обстановка» - о том, что я уже 18 месяцев нахожусь в СИЗО без суда и следствия (в эти 18 месяцев не было ни одной очной ставки и допроса, хотя мне успели поменять три ОПГ). Вечером того же дня, мой персональный следователь – полковник КНБ Латыпов М.Р. доставил в СИЗО обвинительный акт.

Зимой 2017 года, на одной из встреч «без протокола», на крыльце УКНБ Актюбинской области, следователь предложил мне признать вину, аргументируя тем, что «на третий год в СИЗО признаются все». Учитывая, что на момент разговора следователь был в звании подполковника, можно предположить, что у него уже накопилась статистика, что третий год в СИЗО – критический.

Обществу и законодателю следует признать, что если человек, проведший три года в СИЗО, не оговорил себя и других, и при этом его вина не признана судом, может оказаться **невиновным** с высокой степенью вероятности.

Вечное ознакомление, срок которого не входит в срок содержания под стражей, на данный момент узаконено оговоркой п. 6 ст 152 УПК РК, в моем случае, следствие заняло 8 месяцев, а ознакомление – 10. Подозреваемый не может по закону отправить себя в суд – следователь может держать его в СИЗО до тех пор, пока он «созреет».

Тот факт, что дело подозреваемого попало в суд, совсем не означает, что он, в конце концов, когда-нибудь покинет СИЗО.

Сегодняшнее состояние УПК РК допускает ситуацию, когда выйти из СИЗО подозреваемый может со 100% гарантией только в одном случае - на кладбище. Варианты с выходом на свободу или с отъездом в лагерь могут никогда не наступить благодаря двум статьям УПК РК:

1. П.5 СТАТЬИ 322 – Главное судебное разбирательство должно быть окончено в **разумные сроки**. То есть продолжительность суда не ограничена – это, возможно, разумно.
2. П.5 статьи 342 – Ограничения (срока содержания под стражей во время суда) установленные частями второй и четвертой настоящей статьи, не распространяются на дела, по которым хотя бы один из подсудимых обвиняется в совершении особо тяжкого преступления. То есть, если предъявить человеку обвинение в особо тяжком преступлении можно даже не выносить приговор, и он будет продолжать сидеть в СИЗО до кончины.

Живой пример такой ситуации сейчас находится в Алматинском городском суде. 10 декабря 2020 года начнется **пятый год** содержания под стражей **без приговора** белорусского гражданина Сергея Кунцевича. Мой **пятый год** содержания под стражей **без приговора** начнется 10 января 2021 г.

Действующая редакция УПК РК предоставляет широкий набор инструментов для «Вечного суда»: количество и продолжительность перерывов не ограничено, количество замен судей не ограничено – смена судьи влечет возобновление суда заново с самого начала.

Упоминаю здесь только два инструмента, использованных в Алматинском городском суде. Формально суд якобы начался еще 10 марта 2020 года. Но первое, реальное **онлайн** заседание было проведено 25 мая 2020 г. Онлайн заседания проходили по понедельникам, с 15 до 18.00, из этих 3 часов, как минимум, 1 час уходил на налаживание связи. Связь пропадала и в ходе заседаний. К сентябрю суд не дошел даже до допроса свидетелей. В начале сентября был объявлен перерыв в суде. 21 ноября 2020 года произошла смена судей – все надо начинать сначала.

Все участники процесса понимают причину **«вечного суда»**, нет мотива преступления, нет исполнителей преступления, нет свидетелей преступления, признание фабрикаций экспертиз настолько очевидны, что надо привлекать к суду следователей. Но следователи – из КНБ.

Верховный Суд уже выразил свое отношение к обвинению. Возвращаться с этими обвинениями в Верховный Суд – бессмысленно. Но и выпускать подсудимых боязно. Остается только **«вечный суд»**.

Предлагаемая поправка в УПК РК не исключает саму возможность «вечного суда», но дает человеку надежду вырваться из камеры СИЗО через три года, если он сам себя не оговорит.

Почему важно вытащить человека из камеры СИЗО, если за три года ему не вынесли приговор?

При наличии хоть каких-либо доказательств (неоспоримых) вины подсудимого, он, как правило, признает вину, и суд реально проходит в разумные сроки.

Отсутствие приговора после трех лет содержания в СИЗО, в период следствия и суда в совокупности **с непризнанием вины подсудимым** – это верный признак слабости обвинения,

недостовренности доказательств. Чтобы как-то осудить человека в такой ситуации суду необходимо хотя бы признание вины подсудимым (оправдательных приговоров в Казахстане практически не бывает).

Как обвинение добывает признание вины обвиняемым? Приведу свой личный опыт.

Обвиняемого помещают в камеру с одним, максимум 2-3 сокамерниками, один из них – обязательно кадровый офицер, его легко отличить по поведению администрации СИЗО, но, скорее всего, он сам об этом скажет.

«Злой» сокамерник будет постоянно рассказывать обвиняемому, что может случиться с его семьей: пожар в доме, автокатастрофа, утечка газа, подброска наркотиков и т.п.

«Добрый» будет ежечасно сочувствовать, рассказывая, как его сына обзывают в школе «сыном уголовника», или как супруга обвиняемого, от которой отвернулись все подруги, по ночам плачет в подушку.

И так изо дня в день, из месяца в месяц, из года в год. Каждые 2-3 месяца вахты в камере меняются.

Бывают дни, когда обвиняемый начинает сильно нервничать. В этот момент в разговор вступает «старший»: «Устали? Можно со всем этим закончить, надо всего лишь признать вину. Сейчас я вызову прокурора и через 2 часа Вы будете на свободе».

Устоять очень сложно - спасают только письма из дома, где тебя ждут только с победой.

В лагере строго режима я провел небольшое исследование среди осужденных, дела которых вели следователи КНБ. Их рассказы убедили меня, что наше с Сергеем непризнание вины после 4 лет в СИЗО это редкое исключение, которое лишь подтверждает правило: «на третий год признают все!»

Ограничение предельного срока содержания в СИЗО **без приговора** позволит исключить ситуацию, которая сейчас возникла в Алматинском городском суде. У двоих подсудимых 5 декабря 2020 г. закончился срок, назначенный им по отмененному Верховным судом приговору. Новый приговор не может им назначить им более длительного наказания. Нового приговора нет – суд только начался заново. Эти граждане по-прежнему в СИЗО – вновь нарушаются Законы РК – заметит ли это прокурор г. Алматы, если дело вело КНБ.

Приложение 2

Обоснование необходимости поправки в уголовно – процессуальный кодекс Республики Казахстан:

Дела по преступлениям, относящимся к категории особо тяжких, должны рассматриваться судом с участием присяжных заседателей, если хотя бы один из обвиняемых заявляет ходатайство о рассмотрении уголовного дела с участием присяжных заседателей.

Действующая редакция УПК РК допускает ситуацию, когда обвиняемый, который может получить **30 лет** по совокупности нескольких статей, такого права не имеет.

Следователи КНБ вменили мне 6 статей УК, и в совокупности я вполне мог получить максимально возможные по одному приговору **30 лет**. Суд присяжных мне не полагался, так как ни одна из этих 6 статей в отдельности не предполагала лишение свободы на 25 лет (ст 264 – 20 лет).

О том, что гуманный актюбинский суд назначит мне **не более 19 лет**, я узнал накануне оглашения приговора. В ночь перед оглашением приговора я долго не мог уснуть. Еще почти за 2 года до этого я написал семье: если в деле замешана политика – осудят **на 30 лет**, если нет – оправдают. Со мной сидел только один сокамерник, который пришел в камеру добровольно (с его слов). Он посоветовал не нервничать и ложиться спать – 30 лет не дадут, максимум 19. И объяснил почему.

Некоторое время назад в Казахстане суд присяжных применялся более широко, чем сейчас. Это было головной болью для следователей и прокуроров - присяжные выносили 20-30% оправдательных приговоров. Правоохранительным органам как-то удалось убедить Парламент РК сократить применение суда присяжных до минимума – сейчас он, практически, не применяется в Казахстане.

Чтобы не раздражать Парламент РК и не давать повода для возврата суда присяжных между следователями, прокурорами и судами действует негласное соглашение:

- следователям подбирать набор статей УК так, чтобы избежать применения суда присяжных;
- по делам, где нет трупа, прокурорам запрашивать, а судам назначать сроки **не более 19 лет**; в т.ч. по совокупности статей
- по делам, где труп есть, прокурорам запрашивать, а судам назначать сроки **не более 24 лет**, в т.ч. по совокупности статей.

Не могу ручаться за достоверность рассказанного, но утром 12 декабря 2018 года судья Сабыров назначил мне **19 лет** строго режима. Наличие или отсутствие вышеупомянутого негласного соглашения в правоохранительной системе может подтвердить или опровергнуть анализ статистики судебных решений.

В вышеприведенном примере главное то, что суд присяжных не подконтролен следователям и прокурорам.

10 декабря 2019 года Верховный Суд отменил приговор судьи Сабырова и Постановление трех судей апелляционной инстанции. Сейчас в Алматинском городском суде моим делом занимаются 5 судей. Однажды, сэкономив на присяжных заседателях, государство в итоге потратило многократно больше – за 4 года на меня были отвлечены более 70 госслужащих: офицеров спецслужб, прокуроров, судей, экспертов. Все они получают жалование из гос. бюджета, государственные средства тратятся на мое питание, содержание и охрану.

Всех этих расходов можно было бы избежать, если бы следователи осознавали, что дело будет рассматривать суд присяжных.

Обвинение в особо тяжком преступлении – очень действенный аргумент в руках морально и профессионально деградировавшего следователя. Мое небольшое исследование в лагере строгого режима, где заключенные в основном осуждены по особо тяжким статьям, показало, что нечистые на руку следователи используют обвинение в особо тяжком преступлении в трех случаях:

- по истечении допустимых сроков содержания под стражей лиц, подозреваемых в преступлениях средней тяжести или тяжких;
- при отсутствии или слабости доказательной базы подозреваемому вменяют особо тяжкую статью, чтобы вынудить признать вину в преступлении средней тяжести;
- для закрепления обвинения в отношении руководителей и собственников бизнеса обвинение в соучастии в особо тяжких преступлениях предъявляются бухгалтерам и рядовым сотрудникам, которые под угрозой длительных сроков оговаривают этих руководителей и собственников.

Мой пример, когда при трех последовательных обвинениях в участии и организации различных ОПГ не было проведено ни одной очной ставки или допроса, говорит о деградации прокурорского надзора в Казахстане.

Не у каждого осужденного по особо тяжкой статье хватит сил и финансовых средств дойти до Верховного Суда.

В сложившейся безоправдательной практике судов первой инстанции единственным барьером на пути сфабрикованных уголовных дел видится Суд Присяжных.

Расходы на суд присяжных окупятся сторицей. И следователь, и прокурор дважды подумают, прежде чем отправить в суд «сырое» обвинение в особо тяжком преступлении.

Качество исследования дел в суде присяжных разгрузит суды апелляционной и кассационной инстанций.

Приложение 3

Обоснование необходимости поправки в уголовно – процессуальный кодекс Республики Казахстан:

После отмены приговора или постановления суда в кассационном порядке дело подлежит повторному рассмотрению в срок не позднее 45 дней с даты отмены приговора или постановления.

Приговор актюбинского судьи Сабырова был отменен Верховным Судом РК 10 декабря 2019 года.

17 апреля 2020 года мои адвокаты Алимбаев И.М. и Канафин Д.К. получили ответ на свой запрос, в котором указано, что суд в Алматы начался 10 марта 2020 г., и даже было принято процессуальное решение. Согласно этого же ответа, 19 марта 2020 года суд был приостановлен с введением ЧП в Республике Казахстан.

Первое **реальное онлайн заседание** состоялось 25 мая 2020 г.

Именно в этот период, с начала марта, по конец мая 2020 года со мной велись интенсивные «переговоры». Вариантов предлагалось всего два:

1-ый: Новый приговор снизит срок до 14-15 лет;

2-ой: Можно ограничиться отсиженным сроком, если я забуду о фальсификации образцов для экспертиз и незаконной реализации следователями главного вещественного доказательства- 4 цистерн с нефтепродуктами по многократно заниженным искам.

Формально сроки начала нового суда не были нарушены, так как действующая редакция УПК РК не устанавливает сроков начала нового суда после отмены приговора. Все действия суда привязаны к дате поступления уголовного дела в суд.

Так как Верховный Суд находится в Астане, требуется время на пересылку уголовного дела в регионы. В моем случае это заняло несколько месяцев, а ведь могло занять несколько лет – ограничений ведь нет.

Срок начала нового суда по отмененному приговору надо ограничить. Попробуйте представить состояние человека, находящегося в лагере уже **без приговора** – он звонит с таксофона адвокатам каждый день и получает ответ: «Дело еще не приехало из Астаны».

Через месяц таких ответов заключенный без приговора становится неуравновешенным.

Ограничение сроков начала нового суда заставит ускоренно внедрять цифровизацию. На пересылку цифровой копии дела не требуются месяцы.

Приложение 4

Обоснование необходимости поправки в уголовно-процессуальный Кодекс Республики Казахстан:

В случае отмены приговора или постановления суда в кассационном порядке и направлении его на повторное рассмотрение, суд кассационной инстанции обязан рассмотреть вопрос о мере пресечения.

Для отмены приговора в полном объеме коллегией Верховного Суда РК должны быть очень веские основания. В моем случае - это несоответствие доказательств требованиям допустимости, относимости и достоверности.

Отмена приговора означает, что Вы невиновны, по крайней мере, до вынесения иного приговора. Невиновный человек не должен отбывать наказание в виде лишения свободы в лагере строго режима.

Отмена моего приговора произошла 10 декабря 2019 года. В колонию Постановление ВС РК пришло 13 декабря 2019 года. Текст постановления давал надежду на оправдание. Но в тексте постановления ничего не сказано о том, что со мной делать.

Похоже, это был первый случай полной отмены приговора в практике администрации этого лагеря. Администрация лагеря только исполняет указания судов, она не может выпустить меня или отправить в СИЗО собственным решением – ей требуется постановление суда.

Если в Постановлении Верховного суда об отмене приговора нет решения о мере пресечения, то, по логике, такого решения (по мере пресечения) следует ждать от нового, повторного суда.

В результате, я – гражданин Республики Казахстан, без приговора, т.е. невиновный по Закону, отбывал лишение свободы в лагере строгого режима еще 7 месяцев, до 5 июня 2020 года:

- у меня было одно короткое свидание в три месяца;
- у меня было одно длительное свидание в три месяца;
- соответственно, 2 передачи в три месяца
- в магазине лагеря я мог приобрести товаров на 10 МРП в месяц

В некотором отношении мое положение было хуже, чем у осужденных с приговором – при посещении лагеря различными комиссиями администрация лагеря была вынуждена принимать меры, чтобы я, гражданин без приговора, не мог случайно пересечься с этими комиссиями на территории лагеря.

Нахождение лиц без приговора в местах лишения свободы дискредитирует страну в целом, поэтому ВС при отмене приговора должен сразу решить и вопрос о мере пресечения.

Отменив приговор в целом объеме, Верховный суд, тем самым, выражает сомнение в правильности ранее вынесенного приговора – это сомнение, по логике, должно найти отражение в решении о мере пресечения.